

Олег
ТАБАКОВ:

ОТДАВАТЬ, ЧТОБЫ ОБРЕСТИ

Указом Президиума Верховного Совета СССР О. П. Табакову присвоено звание народного артиста СССР. В сознании многих это звание он давно заслужил. Все, что он делает на сцене и в жизни, поражает и восхищает творческой волей. Находясь рядом, невольно ощущаешь его силу, заряжаешься живой энергией жизни. Жизни, в которой нет ни минуты покоя, но нет и усталости. Есть работа, работа, работа. И на всем, что он делает, — печать удивительной легкости, свободы и одухотворенности.

В оценке его мастерства критика и зрители всегда были единодушны. У него немало ролей, которыми можно гордиться. А когда думаешь о многообразии творческих интересов Олега Табакова, остается только удивляться: ведущий актер МХАТа, педагог, режиссер, художественный руководитель основанного им Театра-студии на улице Чапыгина...

— Что для вас, Олег Павлович, представляется сегодня в жизни самым сложным?

— Самое сложное — создание новых спектаклей на том художественном уровне, о котором мы все мечтаем. Возможности нам предоставлены серьезные — в нынешней ситуации не на кого больше сваливать вину за неудачи. Приходится спрашивать с самого себя. Вот это, пожалуй, самое сложное. Если говорить о МХАТе, то все сложности, которые пережил этот театр за последний год, могут быть оправданы, искуплены только новыми спектаклями. Литература, которая долгое время была для нас недоступной и которой мы сейчас зачитываемся, довольно высоко подняла уровень наших художественных притязаний. И это ведь относится ко всей культурной жизни — к театру, кино, музыке в равной степени.

Я — член правления театра, того коллегиального органа, который пытается руководить поновому. Что касается моих актерских проблем, то я, как актер МХАТа, могу реализовать себя только в спектаклях своего театра.

Когда я кончал школу-студию МХАТа, получил направление в Московский театр имени Станиславского, которым руководил в

то время М. М. Яншин, а оказавшись в «Современнике», потому что, будучи студентом, принимал участие в репетиции «Вечно живых». Яншин брал меня на роль Мышкина, а на роль Рогожина Урбанского. С горечью думаю о том, что Мышкин так и не сыгран, и не будет сыгран. Не сыгран мною на отечественной сцене Хлестаков. Мало играл Гоголя, Вампилова. Но буду ставить в своем театре-студии с учениками. Я из тех актеров, которые мечтают и работают, работают и мечтают. Когда не было работы в театре (а такие периоды были очень короткими), я все равно готовил «Конька-Горбунка», думал про Теркина, Обломова, так же, как сейчас мечтаю о Фамусове, и надеюсь, он будет реализован во МХАТе. Я думаю про Санчо Пансу, про Иудушку Головлева и, может быть, сыграю его на телевидении. Думаю про Чичикова (возможно, смогу прочесть эту поэму также на телевидении), думаю о Ричарде III, думаю о старике Акиме из «Власти тьмы», об Иване Африканыче из повести В. Белова «Привычное дело». Думаю о «Мефистофеле» Клауса Манна — у меня есть пьеса чешского автора по этому роману, и, может быть, мы осуществим ее постановку в театре-студии.

Мечтания мечтаниями, а вместе с тем идет работа, идет на-

копление, и наступает момент, когда накопленное необходимо возвращать людям.

— Ваше ощущение от сегодняшних студентов? Какие они? Что в них цените? Как вам кажется, смогли вы передать им свои заботы и тревоги, свои ощущения о мире?

— Не могу сказать, что мне удалось передать свои ощущения всем, но некоторым — безусловно. Мои ученики входят сейчас в счастливую пору, когда есть силы и уже есть умение. Это зависит от того, как рано ты начинаешь свой путь в искусстве. Тем, кто окончил студию в 80-м году, повезло. Удивительно, но «кайф», как говорит моя дочь, который испытываю от их успеха, выше того, который испытываешь от собственного. Нельзя сказать, что все мои ученики приносят радости, бывают достаточно серьезные огорчения и художественного, и нравственного порядка. Но вместе с тем они удивительный витамин, дающий возможность ощущать себя моложе. Смелее ли они, чем мое поколение? В чем-то, наверное, смелее. У них страха значительно меньше, чем было у нас. Для них значительно меньше табу. Когда я начинал, я

знал, что вот это нельзя делать сегодня, а это нельзя будет делать еще год, а это вообще никогда не будет позволено. У них такого нет, и потому они богаче.

Творческая свобода — проблема проблем для художника. Она зависит от социального, политического и нравственного состояния общества. Театр — это самой высокой ступени общественный институт и как ничто другое выражает и болезни общества, и его здоровье. По крайней мере ему предоставлена такая возможность. Конечно, не надо ждать, что это найдет свое выражение именно завтра. Ведь если я довольно долго болел, а мне все говорили, что я здоров, то надо исцелиться и только потом ждать проявлений здорового человека. Я не раз говорил, что у нас товарищество подменено обществом взаимных услуг. К сожалению, все меняется чрезвычайно медленно, и глупо думать, что будет меняться быстро. Я хотел бы это подчеркнуть. Безнравственно обманывать людей, говоря, что все поменяется завтра.

Мы очень долго выдавали желаемое за действительное, навязывали людям суждения, стереотипы, в которые они не могли влезть и из которых вываливались. С другой стороны, я понимаю, что процесс перестройки в моей, например, жизни пятидесятилетнего человека — это последний шанс принять участие в настоящей работе, чтобы обществу, моя страна менялись бы к лучшему, становились гуманнее, добрее, талантливее, человечнее.

Мы ввали и молодым, и старым, и сказать, что молодые не отравились этой ложью, было бы неверно. И все же они другие, и все же хочется в них верить.

Человек может начать активно приносить пользу своим ученикам, детям после того, как он придет естественным путем к мысли, что жизнь вместе с ним

не кончается. Это для неверующего человека очень важный этап развития. Многие после этого меняются. И как ни относиться к молодежи, ей предстоит жить после нас.

— Не кажется ли вам, что молодые в искусстве жаждут только успеха? Когда создавался «Современник», об этом ведь никто из вас не думал, хотя вы не были, конечно, обделены зрительской любовью. Труд, терпение, испытание неудачей нынешним дебютантам кажутся непосильными, они хотят чего-то мгновенного...

— Конечно, мы не думали специально об успехе, когда создавался «Современник». Но я не хочу сказать, что я не жаждал успеха. Я приносил свой успех в стены родного театра и клал его кирпичиком. Так же поступали и мои товарищи. «Современник» — это слагаемое наших частных успехов. Конечно, Олег Ефремов вытравлял из нас все гнусное, тривиальное. Но все же было бы дико и неестественно, если бы молодые не жаждали успеха. Успех должен приходиться вовремя! Его отсутствие опасно, убивает инициативу, ведет к инфантилизму. С другой стороны, не можешь не огорчаться, когда видишь, что молодым не хватает труда, терпения. Хотя я не раз убеждался: когда молодые серьезно увлечены художественной и нравственной идеей, они начинают трудиться. Такой была наша театральная студия последняя работа по Нилу Саймону.

— Что для вас самое дорогое в театре?

— Чудо воспроизведения живой жизни человеческого духа.

— Чему готовы служить беззаветно?

— Театру.

— Что самое недостижимое для вас в искусстве?

— Ансамбль единомышленников, который так трудно создается и так легко разруша-

ется. Театр коллективного взаимодействия, о котором так много рассуждаем и так медленно к нему подбираемся.

— Знаете ли вы точно, что ждет зритель от театра?

— Да, конечно. Зритель ищет соотношения своего жизненного и эмоционального опыта с жизненным и эмоциональным опытом художника. Я убежден, что зритель приходит сравнивать себя...

— Вы по-прежнему считаете Москву театральной столицей?

— Думаю, что замечательные работы ленинградца Льва Додина притягивают сегодня сердца театралов к городу на Неве. Но этого маловато, все-таки брожение, кипение страстей, дерзость ломать и строить, мечты о революционном обновлении нашего театрального дела в Москве сильнее.

Наша беседа, проходившая в кабинете ректора школы-студии МХАТа, не раз прерывалась телефонными звонками. Олегу Павловичу приходилось на ходу решать самые разные вопросы: о технических неполадках и ремонте сцены, о том, как кафе «Антракт», занимающее первый этаж школы-студии в проезде Художественного театра, переоборудовать в студенческую столовую. Вопросы будничные, но важные.

На рабочем столе ничего лишнего: несколько новых пьес, несколько записных книжек.

— О чем мечтаю, так это о том, как создать серьезную, сложную систему поиска талантов. Систему сочетания среднего образования с высшим, при которой мы не пропустим таланта. Мечтаю создать сложную систему театральной академии, в которой можно было бы объединить театрально-художественное техническое училище, чтобы из лучших выпускников черпать кадры для постановочного факультета. Мечтаю создать школу-интернат для одаренных детей вроде Центральной музыкальной школы. Не обязательно, конечно, все его выпускники станут актерами, но они смогут полноценно рабо-

тать в разных сферах художественной жизни. Мы привьем им чувство вкуса, серьезное отношение к искусству.

— Сейчас перестраивается структура театрального дела. Договорились, что единая модель стационарного театра устарела, предлагаются новые. Как секретарь правления Союза театральных деятелей РСФСР что вы думаете об этом? В чем польза?

— Надо создать условия для свободного рождения и естественной смерти театра. Не боимся ли мы быть до конца открытыми? В Москве значительно меньше театров, чем нужно. Зрителям же необходимо дать возможность выбора. Созданный нами искусственный дефицит в театре путает представление о реальном положении дел. Нам надо искать пути к поливариантности театра. Надо иметь театры, созданные для одного спектакля по примеру спектакля звезд, вроде «Мышеловки» А. Кристи, надо иметь репертуарные театры, гастрольные театры с художественным репертуаром. А для этого надо платить больше людям, которые поедут по стране. Надо платить больше актерам, работающим в провинции. Многообразие театральных структур необходимо — в этом суть современной театральной реформы. Конечно, и в старой модели были свои преимущества — среди них чувство причастности актера к театру, как к чему-то стабильному. Это необходимо для актера как этап развития. Союз в самом начале пути. Мы делаем первые робкие шаги. А сделать предстоит многое. У меня есть серьезные надежды, что в самих театрах, в театральном движении произойдут благодаря деятельности союза важные изменения.

Мечты, сомнения, заботы... Роли, студенты, театр-студия, МХАТ. Из всего этого складывается жизнь артиста. И чем больше отдаешь себя, тем больше обретаешь.

А. ЛЕБЕДЕВ.